

Инна Рогачевская

Всё началось с

**консервированной
моркови,**

или

«Я люблю твою жену»

Рассказы о грустном и смешном

Инна Рогачевская
Все началось с
консервированной
моркови, или Я люблю
твою жену. Рассказы
о грустном и смешном

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961036
ISBN 9785447426460*

Аннотация

Жизнь – калейдоскоп событий. Одиночество – рок или свобода? Блажь или наказание? Чем закончится встреча Ивана Грозного с Марией Медичи в двадцать первом веке? Мать и дочь. Прошлое и настоящее. А если избранник дочери – прошлое матери? Расследование бабушек: «Чья жена, которую любит другой?». «ОНО» – герой незабываемой весёлой истории. Современная женщина и Дед Мороз. Что у них общего? Что можно найти в зимней луже? На что спровоцировала героев рассказа консервированная морковь? Приятного прочтения!

Содержание

Часть 1 – Задумчивая	5
Случайный человек, или Пересечения	5
Город детства – город боли	15
Бесконечно длинный перелёт	21
Глава 1	22
глава 2	27
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Все началось с
консервированной
моркови, или Я
люблю твою жену
Рассказы о
грустном и смешном**

Инна Рогачевская

© Инна Рогачевская, 2018

ISBN 978-5-4474-2646-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 – Задумчивая

Случайный человек, или Пересечения

Впервые за много лет вырвалась из дома. Столько лет мечтать о поездке, чтобы в метре от мечты, застряв в переполненном зале аэропорта, по причине неблагоприятных метеоусловий. Вылет рейса задерживается. Меня ждут там, а я застряла здесь и, по-видимому, надолго. Люди уставшие, злые. Понимаю, сама испытываю те же чувства: досады, раздражения, разочарования от пошатнувшихся планов. С природой не поспоришь. Вздумалось ей разыгаться снежной бурей! Не на шутку зимушка-зима вступила в свои права. Скоро Новый год. Лечу к Инге. У нас морозы, у них тепло. Хочется погреться у её сердца, не виделись давно. Семьи, заботы, да и годы не те, чтобы срываться с места по первому зову. Это в душе мы остались двадцатилетними девчонками, а в паспорте... К черту паспорта и цифры!

Вылет задерживается на неопределённое время. Кто-то завалился спать, кто-то понуро следит за электронным табло, как за личным врагом, кто-то читает. Кто-то не расстаётся с сотовым телефоном – отличный собеседник, не соскучишься.

Рассматриваю пассажиров. Интересно наблюдать

за незнакомыми людьми, у каждого из них своя история, скрывающаяся за запотевшими стёклами очков, полями шляп, прикрытых глаз.

Старушка интеллигентного вида, этакая мадам. Берет из чернобурки, сама бы от такой красоты не отказалась. На каждом сухоньком пальчике по перстню и не простому – играют камни бриллиантовым блеском. Щебечет птичкой на французском языке с седовласым мужчиной. Он кивает. Соглашается. Неожиданно восклицает что-то. Она обиженно произносит: «Le gamin»¹. Мне показалось или она произнесла на чистейшем русском языке слово «шалапай»? Не может быть! Показалось, хотя... Молодая женщина «мучает» сотовый, не давая ему покоя и передышки. Пишет очередное сообщение. Улыбнулась, прочитав ответ. Её тоже где-то, кто-то ждёт, а она застряла здесь, между небом и землёй. Мужчина, задумчивый взгляд, а глаза... Ему не мешает непогода. Такое чувство, что он в восторге от её фокусов. Его глаза смеются. Чему он радуется? Зиме? Или ему безразлично, когда улететь?

– Нет, ещё не вылетела, рейс откладывается, – объясняю обеспокоенной подруге.

Она ждёт меня в аэропорту по другую сторону мира. – Как только объявят посадку, я сообщу.

¹ Мальчишка – фр.

Чем заняться, когда заняться нечем? Надо «убить» время, а как его убивать? Медленно и уверенно или быстро и точно?

Как хочется кофе. Без кофе я не могу существовать, а в ситуациях, таких как эта – подавно. Кофе. Мысль о чашке чёрного кофе, засевшая в мозгу, постепенно вытесняет другие мысли. И ещё бы грамм пятьдесят коньяка, чтобы не уснуть стоя. Третий час. Ночь. За стенами аэропорта по-прежнему веселится снежная буря.

Кафе. Сколько народу! Ещё бы! Все вылеты задерживают. Чем ещё людям заняться, если не питьём и едой? Не люблю большого скопления людей. Иду в бар, в надежде на одинокий уголок.

Людей немного, думаю по причине завышенных цен. И пусть, лишь бы тихо.

– Пятьдесят грамм коньяка «Курвуазье» и чёрный кофе, пожалуйста, покрепче. Нет «Курвуазье»? Хорошо, пусть будет «Арманьяк».

Оглядываюсь по сторонам. За стойкой бара на высоком стуле сидит мужчина, у которого глаза смеются. Он похож на Шерлок Холмс: курительная трубка, задумчивое, строгое лицо, но глаза, или это освещение балует, преломляясь? Нет, освещение не причём, глаза смеются. Не улыбаются, смеются. В них столько света! Курит трубку, пишет. Письмо? Возможно. Пишет, как мы в молодости! Аккуратно, не спеша, что-то записывает в тетрадке. Обычной школьной тетради

в клеточку! Наше время технологий, компьютеризации, тетрадка?... Но мне, как и ему нравится писать «по-старинке», как раньше. Теплей, уютней, по-домашнему. Ощущение соприкосновения с чистым, девственно белым листом согревает, создавая божественный интим, обоюдность мышления, согласия.

Коньяк сплошное разочарование. Чем его разбавили? За-чем портить напиток? Кофе, и на этом спасибо, запах зёрен и вкус кофе оставили.

Хочу курить. Сигареты в сумке, а вот зажигалка...

– Извините, разрешите прикурить?

Карий взгляд, обычные глаза, но улыбка в них так и плещется золотой рыбкой. Удобно ей там, хорошо. Я невольно улыбаюсь. Прикуриваю сигарету, благодарю, собираюсь вернуться за свой столик.

– Можно угостить Вас коньяком? У меня настоящий, хотите? – он смотрит прямо в глаза.

Я с удовольствием отпиваю коньяк.

– Вкусно. Не разбавленный, – улыбаюсь. – У Вас глаза смеются, – говорю, любясь искорками радости в его взгляде.

– Правда? Я думал, что разучился смеяться и душой, и глазами.

– Вот как? Почему?

– Годы одиночества.

– Это как?

– Я отсидел семнадцать лет в тюрьме строго режима. Освободился несколько месяцев назад. Изгой, отверженный. Думал не научусь заново радоваться жизни, понимаете? – я киваю головой, задумываясь над его ответом.

Впервые вижу перед собой живого заключённого, бывшего заключённого. Человека с «прошлым». Чувствую ему необходимо выговориться. Откровенничать с незнакомыми людьми всегда легче, по простой причине – вероятность повторной встречи равна нулю.

– Вы сидели за убийство?

«Зачем спросила, он обидится», – ругаю себя за нетактичный вопрос.

– Нет, – смутился. – Помните дефолт тысяча девятьсот девяносто восьмого года? У меня был успешный бизнес, связанный с развитием компьютерных программ. В одну ночь всё рухнуло. Чтобы выжить занялся незаконной деятельностью и получил большой срок, ... – его глаза по-прежнему сохраняют улыбку.

– Простите...

– Спрашивайте, не стесняйтесь, если смогу ответить.

– Чем вы занимались в местах «не столь отдалённых»? Как человек в таких условиях выживает? Можно сойти с ума....

– Со временем осознаёшь ошибки. Понимаешь, в жизни за всё приходится расплачиваться. Иногда на это уходят долгие годы. Сидеть, ничего не делая скучно. Правда, можно

съехать с «катушек», да и окружение незавидное. И вдруг понимаешь, как много возможностей упущено. Хочется догнать жизнь, схватив её за самые интересные моменты, вернуть время вспять. В-первую очередь хочется доказать самому себе, что ты человек, не тряпка, что нужен сам себе, себе интересен. Перестать ненавидеть и винить всех в своей печальной участи. Находишь любимое занятие. Понимаешь это твоё, это ты. Работает до изнеможения, чтобы жить, не деградировать, превратившись в бестолковое животное. Живёшь с верой в сердце, что настанет день и ты будешь свободен. Есть цель, надежда и любимое дело.

– Вы хотите сказать, что нашли себя, любимое дело в тюрьме? В чём оно заключается если не секрет?

Он глубоко затягивается, выпуская густой, ароматный дым. На мгновение глаза теряют улыбку, становятся жёстче, беспокойней, словно окунулись по другую сторону жизни, ушли в прошлое.

– Я научился играть на гитаре.

– Откуда гитара? Там выдают? – простите за неосведомлённость.

– Незадолго до освобождения, один из зеков подарил мне самоучитель игры на гитаре и свою гитару. Настоящую концертную гитару, представляете? Из всех заключённых он выбрал почему-то меня.

– Я в тебя верю, пацан, – сказал он, – займись делом. Учись.

И я научился играть на гитаре, позже писать музыку к своим стихам.

– Вы в тюрьме стали писать музыку и стихи?

– Стихи я писал будучи юным, влюблённым и счастливым юношей, а музыку начал писать на зоне, когда выучил ноты. В детстве я несколько раз поступал в музыкальную школу, но также быстро остывал и... Эх, – его глаза брызнули секундной грустью.

– Не представляю, правда, ничего не представляю из того, что вы рассказываете. Как можно жить взаперти? Общаться с подонками, убийцами, рецидивистами, не потеряв человеческий облик?

– Я был одним из них. Это другой мир, жестокий, – он замолчал, глубокая складка прорезала лоб. – Я мечтал о свободе, она мне снилась, как любимая женщина, как несбыточная мечта. Но появилась цель – музыка, и я погнался за ней не менее самоотверженно, чем гнался за свободой и любовью.

– Вы на свободе. Где живёт человек, вышедший на свободу через много лет тюремного заключения? Вам было страшно впервые часы, дни свободы? Вас кто-то ждал из зоны? Родители, жена, дети?

– Меня ждали друзья, они помогли мне освободиться досрочно. Не всё сразу получилось, но результат налицо – я свободен. Друзья сняли мне однокомнатную квартиру в Москве, оплатив на год вперёд. Жена? Нет, жены нет. Де-

ти – и здесь не всё просто. Поймут ли, простят? Надеюсь, поймут со временем. Знаете, я первый месяц после освобождения практически не спал. Боялся что-то упустить во сне. Выспался.

– Сейчас вы спите?

– Ещё не научился. Мне достаточно четырёх часов и я на ногах. Необходимо столько всего успеть. Множество планов, замыслов, поездок.

– Вы считаете себя счастливым человеком?

«Боже мой, что я несу! Как можно такое спрашивать у человека, пробывшего в заточении многие годы? Куда глаза девать?»

– Да, сегодня я счастлив. Не стыдитесь своего вопроса, – его глаза смеются, рассыпая задор, заставляя мои улыбнуться тоже.

Радость. Объявили начало посадки на некоторые рейсы. Моего рейса среди «счастливчиков» нет.

Он встаёт, прощается, предварительно положив тетрадку, в которой ещё недавно с жадностью что-то записывал, в модный кожаный рюкзак.

– Мне пора. Удачи Вам. С наступающим Новым Годом.

Хотел поцеловать руку, но смутился, получилось неловкое рукопожатие. Ушёл, оставив свою зажигалку на стойке бара, мне.

Через год после встречи в аэропорту.

С огромной рекламной афиши на меня смотрят глаза. Где-то я уже встречала этот взгляд. Шансонье, композитор, писатель Матвей Бурнов с концертной программой «Откровенный разговор».

Матвей Бурнов, Матвей Бурнов. Я слушала его песни в интернете. Читала скромную автобиографию. «Человек в маске», человек без лица. Он стал писать на зоне.

Покупаю два билета на концерт- себе и мужу.

Он выходит на сцену, за спиной гитара. Улыбка и глаза. Глаза, которые смеются. Мужчина из снежной бури.

Я рада за него. Человек с непростой судьбой и смеющимися, счастливыми глазами.

Ему передают записки от зрителей. Он с удовольствием на них отвечает. Его взгляд останавливается, словно споткнувшись, на одной из них: «Я рада за Вас, Матвей. Ваши глаза по-прежнему смеются. Желаю счастья. Стелла».

Берёт в руки гитару.

– В моей жизни было не так много встреч. Одной из них, я посвятил песню, – произносит внезапно охрипшим голосом.

Его глаза блуждают по залу, останавливаются на лицах зрителей, но срываются и вновь бегут, бегут по рядам, листая лица.

– Аэропорт. Снежная буря. Отменённые рейсы. Бар, ры-

жеволосая женщина. Она сказала: «У Вас глаза смеются», – и я ей поверил. Эту песню я посвящаю женщине из снежной ночи в аэропорту.

Аэропорт. Глаза. Зима сдурела.
Отменены все рейсы в одночасье.
И где-то я в зиме, и где-то Стелла,
И где-то бродит улицами счастье.

Город детства – город боли

Я вернулась.

Странное ощущение. Сколько лет я здесь не была?

Четверть века. Город детства. Что, может быть, прекрасней воспоминаний о детстве, юности? Соприкосновения с прошлым...

Бабье лето. Вдыхаю аромат осени.

«...и тонкий полёт паутинок капроновых, и берег туманный манит всё сильнее».

Я в юности писала стихи о любви, нежности, о нём, о себе, о нас.

Такой же тёплый день, как тогда, когда я «убегала» из города, города боли. Как всё изменилось! Новые микрорайоны. Здесь, на западном берегу реки были поля, сады, а там, в зарослях, мы с девчонками загорали, прячась от любопытных мальчишеских взглядов. Город изменился, изменилась и я, вся моя жизнь. Приглядываемся, принимаемся друг к другу... чужие. Уже чужие.

Хочется домой. Ещё вчера обнимала мужа, детей, укладывала спать внучку, а сейчас от них за тысячи километров.

Дом. Когда-то здесь был мой дом и я была счастлива.

Впереди три дня, бесконечно долго тянется время, но радуется предстоящая встреча с друзьями, подругами детства. Я так соскучилась по ним, истосковалась душой.

Завтра самое главное, ради чего я вернулась сюда через двадцать пять лет. Кладбище, где покоятся самые близкие и дорогие мне люди.

Много лет я не решалась на эту поездку, убегая от самой себя. Но так больше нельзя. Невозможно скрыться от прошлого, надо дать ему уйти, отпустить, проститься. Столько лет прошло. Почему до сих пор так больно? Будто вчера: он, я, ожидание прекрасного... и смерть, в доли секунды разрушившая наши жизни.

Встреча с друзьями.

Встретились. Посмеялись, вспомнили, помянули, выпили, взгрустнулось.

– Ты чего, Светка? Почему грустная такая?

– Устала, дорога, отдохнуть бы.

– Время детское, давай выпьем по рюмочке текилы. Помню, ты любила текилу, – говорит подруга, подмигивая.

– Я и сейчас люблю текилу. Кусочек лимона, горсть соли... ты же знаешь, я не пьянею!

– Так и я об этом! – подзадоривает подруга. – Давай врежем, как в молодости – за нас молодых и красивых! Пусть весь мир подождёт!

Через час, основательно упитые, но счастливые и весёлые, идём провожаться. Домой возвращаюсь на следующий день, к полудню – застряла на всю ночь у подруги.

Завтра в полночь возвращаюсь домой.

– Светка, ты жива? – звонит Нелка. – Мы к вам сейчас завалим. Танька ещё дышит?

Таня – подруга, бывшая одноклассница у которой я остановилась.

– Кто «мы»? – спрашиваю, заглывая таблетку от головной боли. Голова разламывается. Ещё бы, после бурной ночи и весёлого продолжения банкета.

Через два часа квартира подруги заполняется старыми друзьями. Всё-таки хорошо, что я приехала. И всё по новой: смех, объятия, воспоминания, слёзы с лёгкой грустинкой по юности.

Боль я оставлю на завтра.

– Тань, я возьму твою машину, съезжу на кладбище.

– Ты уже встала? – сонно спрашивает, держась рукой за черепок.

– Да. Не спится. Мысли...

– Хочешь с тобой поеду? Дай мне двадцать минут привести себя в божеский вид, я после вчерашнего в полном накауте.

– Нет, не хочу, дрыхни. Мне надо побыть одной. Не обижайся.

– А дорогу помнишь?

Они все рядом: бабушка, брат, дедушка. Недалеко от них папины старшие братья с жёнами. Почти братская могила. Опускаюсь на низенькую лавочку.

– Бабушка, я принесла твои любимые цветы. Какие? Гиацинты. Они так божественно пахнут. ...Простите меня, родные, если сможете. Я, тогда уехала, сбежала к родителям в Америку, а вернуться уже не смогла. Не могла вернуться! Так, мы больше и не встретились, не простились. Боль разрушила меня, разрушила во мне все чувства, оставив пустоту и одиночество. Я боюсь этот город, ненавижу и люблю. Он превратился из прекрасного города детства в город боли.

Я ставлю на каждую могилку цветы. Плачу, прощаясь с ними, теперь уже навсегда. Ветер нежно касается моего заплаканного лица, успокаивая, убаюкивая, прощая. Но мне себя трудно простить за побег. Тешила, лелеяла свою боль, страдала, а они? Я забыла о них, а сейчас поздно, слишком поздно. Они все здесь.

Я медленно отдаляюсь, иду к другой могиле. Тело напряженно, каждый нерв, как натянутая струна. Все перемешалось, боль, страх, прошлое. Неожиданно звонит мобильный телефон.

- Что случилось, Ник? – спрашиваю взволнованно мужа.
- Света, всё о-кей. Ты как? Тяжело тебе там, одной?
- Нет, всё в порядке. Не волнуйся, дорогой. Я и так опоздала на много лет, – всхлиываю, утирая ладонью слёзы.
- Мы любим тебя и ждём – родители, дети, внучка и, ко-

нечно, наши собаки. Возвращайся. Я встречу тебя в аэропорту. Держись.

Я останавливаюсь около него.

Его давно нет. Он умер неожиданно. Молодой, жизнерадостный, полный надежд, влюблённый в жизнь... Отошёл на пять минут, а оказалось навсегда. Пришёл, забросал меня с ног до головы полевыми ромашками.

– Светка, я тебя люблю. Сейчас только приму душ и через пять минут я у ваших ног. Как вела себя сегодня наша Василиса? – спросил со смехом о нашей будущей дочке, прикладывая ухо к огромному животу.

Я была на восьмом месяце беременности. Он поцеловал меня и закрыл за собой дверь в ванную комнату.

Зачем он закрыл дверь? Эти старые, добротные дома, огромные, тяжёлые двери.

Долго лилась вода, он не отзывался. Когда я сломала дверь уже было поздно. Он лежал на полу, а по его телу слезами струились ручейки воды. И Василиса наша умерла. Умерла во мне, со мной. Они оставили меня одну, почти в одночасье, навсегда.

Я рассказываю им обо всём. Как жила все годы, почему не приезжала. Они часто снятся мне оба. Уходят, держась

крепко за руки, мой первый муж и наша не родившаяся дочь. Оба озарённые светом, светловолосые с синими, как море глазами. Все годы, во сне я бегу за ними, стараясь догнать, но они исчезают в лучах солнца. И так, двадцать пять лет.

«Я никогда не забуду тебя, – шепчут губы. – Ты был моей первой любовью, мужем, другом, моей юностью, моей болью».

Он смотрит на меня с портрета. Я чувствую, как в душу вливается каплями покой, прощение. Боль отступает. Он прощает мне свой уход и мой побег.

Я улетаю домой, в Америку.

Город юности, детства – город моей боли. Я больше сюда не вернусь. Я прощена...

Самолёт бежит по взлётной полосе. Набирает скорость. Взлетает. В последний миг бросаю прощальный взгляд. Вот и всё, а сейчас домой к родителям, мужу, детям, счастью.

У каждого из нас в сердце есть уголок, где тихо горит свеча, свеча памяти. Я её не затушу. Я всё помню и больше не боюсь прошлого, но настоящее и будущее сильнее – я остаюсь с ними.

Бесконечно длинный перелёт

Глава 1

«Бесконечно длинный перелёт. Двенадцать часов привязанности к креслу, салону самолёта, одним и тем же лицам. Разнообразия и удовольствия ноль. Попробовать вздремнуть? Время пролетит быстрее. Молю Бога, чтоб ниспослал сон. Короткий ли, длинный – сон. Зачем я согласилась лететь? Улыбаться с видом счастливой матери, вешать на лицо маску радости, пожимать ему руку и ещё, чего доброго, обнимать под видом будущей тёщи, навешивая на рот беззаботную улыбку. Лгать, что невероятно счастлива сложившимся обстоятельствам, (чёрт бы побрал его и эти обстоятельства) тому, что „дети“ нашли друг друга?! Лучше бы они заблудились и никогда не встретились. Чёрт меня дёрнул тащиться в такую даль! Надо было отказаться, придумать причину и не тащиться на эту свадьбу с возом жёлчи в душе и сломанной стрелой в сердце. Стрелы Амура, стрелы Амура. Чушь! О чём это я, какие там амуры-абажуры? Это не стрелы, это копья с ядом на конце. Спать, спать, не думать ни о чём. Что там в иллюминаторе или за иллюминатором? Как правильно? Кого волнует, как правильно? Хоть так, хоть слева направо, хоть снизу вверх, хоть боком-перескоком – ночь она и есть ночь. Какой длинный перелёт. Бесконечный, как дождливый осенний вечер, когда не знаешь, куда себя деть от мыслей, предчувствий. Хочется спрятаться в осенние

листья, зарыться в них с головой, только запах осени и больше никого. Надо взять себя в руки».

– Что за окном?

Сосед справа – то ли спросил, то ли разговаривает сам с собой? Молчу, поджав губы, чтобы не сорваться.

«Что за окном? Тоже мне вопрос. И не за окном вовсе».

– Ночь. Сплошная чёрная дымка – ни звёзд, не ангелов, никого.

Сам спросил – сам ответил. Странный дядька. Видимо ему тоже не спиться, как и мне».

– Пospите.

«Это он мне? Мне, мне ...смотрит на меня. У него добрый взгляд, словно, понимает моё состояние. Отвернулся. Сам спи!

Мысли, мысли. Дочь, за что ты так со мной? Больно, а как ей объяснить? Она ничего не знает! Но он! Он ведь знает, а молчит. Или не догадывается что она моя дочь? Как быть? Как отговорить её, объяснить, не ранить. Нет, не получится, не получится не ранить. Нам с ней всегда было нелегко вместе. Родила дочь, а чужие люди. Всегда были чужими. Даже маленькой не нуждалась во мне. Только папа и бабушка. Странная штука жизнь. Сын – друг. Вот, и сейчас рядом. Положил голову на плечо отца – спят. Я рада, что они со мной. Поддержат, остановят, если сорвусь. Они знают о моём прошлом. С ними легко, надёжно не то что с дочерью. Ей так и не смогла рассказать о себе ни тогда, ни сейчас. А теперь

эта свадьба! Всё тайное становится явным. Ужас! Почему это должно было произойти в моей семье? Почему с моей дочерью и мной? Дочери тридцать лет, выходит замуж. Мне бы радоваться. Избранник обеспеченный, не мальчик. Любить будет, ценить, на руках носить, внуков мне родят. Свой дом, бизнес. Любовь! Дочь позвонила счастливая: «Мама, я замуж выхожу!» Голосок звенит от счастья. Радуемся. Наконец! Она рассказывает о нём с теплом, нежностью. Понимаю, чувствую – любит, любит первый раз в жизни по-настоящему».

– Кто он? – интересуюсь, как любая нормальная мать. – Бизнесмен? Понятно, что не портной.

Счастье ребёнка – счастье родителей.

– Сколько ему лет? – обычный женский вопрос. Какая мать не спросит у родной дочери о её избраннике?

Молчание, заминка, сухой ответ.

– О, Господи! Моложе не было? – прикусываю язык.

«Молчит, даже дыхание придержала. Как обычно перед нападением, набирает обороты. Сейчас выдаст что-нибудь остренькое, приправленное ядом. Долго ждать не приходится».

– Передай трубку отцу, немедленно! – приказным тоном.

– Мама ничего плохого не имела в виду, – оправдывается муж.

Отворачиваюсь. Смотрю на сына, пожимая плечами.

– Что вы всё воюете? Мама, всё ведь хорошо, правда? По-

едем на свадьбу!

– Зачем ей нужен мужчина нашего с отцом возраста, ты мне не объяснишь?

Муж и сын одновременно смотрят на меня. Вырываю из рук мужа телефонную трубку.

– Объясни, дорогая доченька, что общего у молодой женщины с подержанным, немолодым мужиком?

Она дышит мне в ухо.

– Я его люблю и буду его женой. Ты ведь его не знаешь! Как можно судить о человеке, не зная его?

– Что ты будешь с ним делать через десять лет, из ложечки кормить? О нём говорит его возраст, он тебе в отцы годится!

– Петер мне годится в мужья. Разговор окончен! Я отцу на почту, скинула фотографии нашей помолвки. Свадьба двадцать четвёртого июля. Если решите приехать, сообщите заранее. Встречу. Папе и Филиппу привет.

«Бесконечно длинный перелёт.

Почему, почему у нас с ней всегда всё с надрывом, болезненно, без взаимопонимания, тепла.

Дочь!

Я виновата, ведь она не родилась игольчато-ежистой. Это моя и только моя вина. Ей никогда не хватало моего тепла и любви. Недодала...

Да и родилась она...

Только в молодости можно, вот так, попасть под «разда-

чу», с ошибкой в сто процентов».

глава 2

Пока Петер был рядом, все краски вокруг были светлыми, радостными. Будто он с утра разрисовывал их жизнь, наводя красоту и блеск, зажигая солнце, рисуя радужные дуги. И вдруг: «Нам надо расстаться!» – обухом по голове.

– Как расстаться? Зачем? Кому это нужно? Тебе, мне?

– Я не могу иметь детей, ты не должна из-за этого страдать, – какой честный.

– С чего ты взял? Кто тебе сказал такую чушь? – кричу или шепчу, сама не знаю. Быть может, шевелю безмолвно губами? – Мы так молоды, у нас всё получится. Ты несёшь чушь, бред!

– Нет, ты сейчас этого не понимаешь, а после будет поздно, ты меня возненавидишь. Я не хочу этого. Прости.

Сказал – отрезал. Испарился, словно его никогда не было, как сон, мечта...

Жизнь поменяла цвет. Её больше некому было разукрашивать в нежные или яркие цвета любви.

Другой мужчина появился неожиданно. Появлялся, исчезал, вновь появлялся, вновь исчезал, словно проверял себя – его женщина или нет. Заинтересуется им или пройдёт мимо?

Она переспала с ним несколько раз, чтобы сбить оскомину – назло другому, любимому. Назло самой себе. А он всё понял без объяснений. Не оттолкнул, просто был рядом. Когда она сказала, что беременна позвал замуж.

– А если ребёнок не твой? – зло спросила.

– Он твой, этого достаточно.

Она родила дочь, которая с первых дней своей жизни, предпочла ей отца. Странно, дико, невероятно! Дочь встретила её в «штыки». Виновата ли она перед дочерью? Да, во всём. И в неумении любить, тоже. Всю любовь и ласку она подарила их сыну Филиппу. Дочь, так и осталась папиной дочкой и бабушкиной любимицей.

Десять лет назад, возрасте двадцати лет, дочь выиграла Green-Card, уехав в Америку на постоянное место жительства. С тех пор они не виделись. Скучала ли по она дочери? С ужасом понимала – нет, не скучает. Муж с сыном дважды ездили в гости. Мать мужа переехала к внучке в Америку, почти сразу, а она так и не собралась, довольствуясь общением по телефону, позже в скайпе.

«Петер, Петер Пловчан. Откуда ты взялся через столько лет? Ты не должен был появиться. Ты призрак прошлого, прошлого матери, не будущее её дочери. Не будущее! Старый развратник. Молодой жены ему захотелось. Что же ты

делаешь, Петер?»

Он называл себя «Петрик – золотой». Для неё он был золотым, самым ярким и дорогим мужчиной – её мужем.

Они познакомились, когда ей исполнилось девятнадцать, ему двадцать пять лет. В те годы много иностранцев работало в городах Советского Союза.

Они встретились на пляже.

Его тело цвета бронзы, впитавшее в себя солнце, море, страсть. Он похож на гладиатора. Синие глаза, пожирающие её, скользят по изгибам тела, касались взглядом губ, сосков, живота.

Любовь дикая, страстная, необузданная. Как итог – шумная, весёлая свадьба. Поездка в Чехословакию, знакомство с новой роднёй. Свадебное путешествие. Она выучила чешский, он – русский язык. Впереди столько счастья!

– Принесите мне кофе, покрепче, без сахара, пожалуйста.

Стюардесса ставит перед ней чашечку ароматного кофе, мило улыбается.

– Вам принести плед? – участливый взгляд.

– Да, спасибо.

Она укутывается в мягкий плед, отпивает кофе.

«Что делать? Как рассказать, объяснить дочери, что она

не может, не должна выходить за него замуж, что это ошибка. Он бывший муж её матери. А если он её отец? Хотя он сказал, что детей иметь не может. Нет, полный бред. Она, не может быть, его дочерью. Этот брак невозможен. Зачем ей старик? На фотографии он выглядит молодо, но возраст! Его не скинешь со счетов. А если она ошибается и он все не тот, а другой, один из многих, чем-то напоминающий мужчину из её прошлого. Но эти глаза! Всё такие же синие, влекущие, родные! Неужели она ревнует свою дочь к нему? Да! Да! Да! Ревнует! Дико ревнует! Ревнует, как брошенная, отвергнутая женщина к молодой сопернице.

Её супруг догадывается или нет? Быть может, это ошибка поэтому все вокруг молчат? И только она мучается дурью, ею же сотканной из паучьей паутины. Можно сойти с ума. Какой бесконечно долгий перелёт. Что их завтра ждёт?»

Глава 3

– Ты не передумала выходить замуж?

– Зачем ты приехала, мама? Мне всегда рядом с тобой беспокойно, как на пороховой бочке? Почему ты меня никогда не любила В чём моя вина?

Дочь смотрит на луг перед домом, покрытый зелёной, сочной травой. – Мне легче, когда ты далеко от меня, – поднимает взгляд.

– Нам надо поговорить о твоём женихе.

– Мама, зачем ты приехала?

Больно. У неё сжимается сердце. Впервые ей жаль дочь, впервые за все годы хочется её обнять, прижать к груди, успокоить, защитить. Попросить прощения за нелюбовь, невнимание, за всё что недодала, недодала.

– Где твой... Петер? – как трудно произносить его имя.

– Он скоро приедет. Почему ты против нашей свадьбы? Скажи сейчас, не порть нам праздник, а лучше уезжай, слышишь, уезжай, мама!

– Я разве сказала что «против»? – она прячет за ресницами взгляд, увлажнённый слезами.

Дочь чувствует её неприятие, сопротивление.

«Как объяснить ей? Имеет ли она право разрушить жизнь дочери своим прошлым?

– Что ты скрываешь от меня? Расскажи, объясни! Раз

в жизни будь со мной откровенной, – говорит с трудом, утирая слёзы.

– Петер, был моим первым мужем. Он бросил меня, предал, сказав, что бесплоден. В скорости родилась ты.

– Ты думаешь, что Петер мой отец? – она сползает с кресла на траву, словно пьяная, глаза бегают, дыхание учащённое. – Почему ты молчала? Почему никогда не рассказывала о себе? – она надолго замирает. – Маленькой девочкой я мечтала, чтобы ты меня любила. Мне не хватало твоей улыбки, объятий, тепла. Мне так хотелось, чтобы на ночь, именно ты рассказывала мне сказки. Где ты была, мама? – Кари смотрит ей в глаза. – Я всё поняла. Мама, мамочка, – она гладит материнскую руку, – ты ошибаешься, это только тень прошлого, твоего прошлого. Тень, в которой ты пряталась от меня столько лет. Это не он, родная моя. Почему ты всю жизнь скрывала от меня свою боль? Я ведь твоя дочь!

Она садится на траву перед матерью. Обнимает её колени, опускает на них голову. Рука матери вздрагивает, глядя шёлковые, чёрные кудри Кари.

– Прости меня, я столько пропустила в тебе. Только сейчас поняла, какой была душой. Ты моя дочь, плоть и кровь, ты мудрее и честнее меня. Прости, но ты не должна выходить за него замуж. Пусть любит, пусть богат, а что дальше? Что он может тебе дать?

Она заглядывает в лицо дочери. Ищет понимания.

– Мама, успокойся, всё хорошо. Ты сбиваешь меня и себя

с толку. Мой Петер не твой, пойми. С чего ты взяла, что он твой? Он не может быть твоим. Он мой.

– Ты ошибаешься, Кари. Я видела его фотографии. Эти глаза, взгляд, улыбка! Доченька, опомнись!

– Мама, моему Петеру сорок три года. Сколько сейчас лет твоему Петеру? – она заглядывает в её лицо.

– Пятьдесят восемь. Но ведь ты сама сказала, что он намного старше тебя!

– Да, но я не сказала, что ему пятьдесят восемь! Мой Петер старше меня на тринадцать лет, понимаешь? Это ты сделала вывод, что через десять лет его придётся кормить из ложечки, решив в ту же секунду, что это твой Петер.

– А глаза? Улыбка? Цвет волос? Как такое может быть?

– Совпадение. На свете множество людей похожих друг на друга. А того из прошлого забудь и прости, просто прости.

«Дочь права.

Она выходит замуж за другого Петера, не моего. Почему не приходит облегчение от мысли – этот не тот. Нет, не факт, не факт. Хочу его видеть. Почему? Почему он должен быть похож на того, почему он должен носить его имя? Что на свете нет других мужских имён? Только Петер? Как наказание. За что? За любовь? Страдания? За что? Всё жизнь живу с именем в сердце, как с гнойником под кожей. Жду, когда

прорвёт, исчезнет, излечусь. Нет, не проходит. И её простить не могу. Опять я за своё. Что я не могу простить дочери? Что родилась, когда было так больно. Я ещё не успела забыть его руки, запах, цвет глаз, а она заявила о себе. Она его дочь. Первый раз в жизни признаюсь самой себе, утверждаю, внушая факт свершившийся тридцать лет назад. Всегда боялась думать о ней, как о его дочери. Как он мог утверждать, что бесплоден, когда она уже жила во мне? Я была готова на жертву – никогда не иметь детей, лишь бы он был рядом, всегда мой. Мужчины не женщины. Для мужчин бесплодие не трагедия. Другой бы не признался, скрывая всю жизнь, доказывая с пеной у рта, что в этом нет его вины. А этот?! Нет, здесь что-то другое. Тайна? Неужели я его не знала? Любила, как доверчивая овца, а он оказался хитрей, подлее, не так прост и чист. Что он пытался скрыть? Не любил? Любил, но не самозабвенно, жертвенно, как я. Пусть, пусть дочь выходит замуж и будет счастлива. Не буду, не буду портить ей свадьбу. Забуду и приму, как должное её счастье. Никогда не обмолвлюсь словом о нём. Он прошлое, а значит его больше нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.